к теткам... Теперь оказалось, что она у них не была. Выслушали меня с любопытством и мне же насмеялись в глаза...» (456). Одни только сочетания видо-временны́х форм глагольных сказуемых могут характеризовать собой разные типы повествования: они сигнализируют, например, в отдельных случаях об остановке или замедлении повествовательного движения — переходе его в сцену: «Я вошел в комнату, она сидела на прежнем месте, шила, наклонив голову, но уже не пела» (467) (здесь результат только что осуществившегося действия — *вошел* — как бы упирается в начавшийся ранее процесс — ... *сидела... шила...*— и далее сосуществует с ним, выполняя роль временно́го ориентира). Синтаксическую основу отрезков текста, содержащих р а с с у ж д е н и я героя, составляют, как было уже сказано, построения и формулы «логической речи». Видовременны́е значения предикативных форм не играют уже ведущей роли в синтаксической организации этих типов речи: «время» здесь «синтаксически свободно», т. е. подчинено логике развития мысли героя.

Но, разумеется, коммуникативно-обязательные, «социально-общие» синтаксические формы в художественном тексте часто (но не все и не всегда) в особых случаях своего употребления оказываются художественно значимыми. Для повествовательной канвы текста «Кроткой» нельзя, например, считать случайным сам факт большого разнообразия типов видо-временны́х контекстов и частой их смены, создающих постоянные, на протяжении всего рассказа героя, модуляции темпа повествовательного движения: от лаконичных, наполненных «действиями» сообщений протокольного характера до картинно развернутых сцен, почти лишенных динамики. Эта смена ритмов повествования символизирует, косвенно изображает состояние взволнованности, растерянности само́го повествователя — Закладчика, утратившего душевное равновесие.

Анализ синтаксиса компонентов художественного текста в аспекте индивидуального стиля (и у́же индивидуального синтаксиса) писателя предполагает, следовательно, установление каждый раз того предела, за которым те или иные синтаксические формы выполняют не только свои общеязыковые функции, но и функции чисто художественные.

Писатели, авторы художественных произведений, далеко не всегда ограничиваются, однако, использованием выразительных возможностей коммуникативно-обязательных синтаксических форм. Заряд большей изобразительной силы таит в себе синтаксис аффективный, еще как таковой очень слабо у нас изученный. Формы и приемы аффективного синтаксиса могут не прикрепляться только к одному какому-либо композиционному типу речи, они охватывают собой подчас более крупные текстовые объединения или даже весь текст произведения.

В «Кроткой» Достоевского жанр сказа обусловил, как уже отмечено, разговорный характер синтаксиса этого произведения. Но речь Закладчика не просто разговорна: она пронизана экспрессией. Ее выражают в значительной мере именно формы аффективного синтаксиса, насыщающие собой как отрезки текста типа «сейчас», так и отрезки повествовательные.

Так, например, в отрезках, относящихся к композиционному типу «сейчас», иллюзию высокой степени эмоциональной напряженности, резкой категоричности и одновременно хаотической несобранности речи героя создают такие специфичные экспрессивные синтаксические приемы, наслаивающиеся на основной грунт построений и формул «рассуждающего» типа: 1) разные виды словесных повторов: «Ах пусть, пусть презирала бы, хоть всю жизнь, но — пусть бы она жила, жила!» (473); 2) градационные усиления: «К чему мне ваши обычаи, ваши нравы, ваша жизнь, ваше государство, ваша вера?» (474); 3) сегментация: «О поверьте, понимаю; но для чего она умерла — все-таки вопрос» (473); «Одни только люди, а кругом них молчание — вот земля!» (475); 4) самоперебивы: «Потому что если ее унесут, то... о, нет, унести почти невозможно!» (474).